

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Д. А. Шпилёв

Трансформация и модернизация
в современном коммуникативном
обществе

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Shpilev.pdf>

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Шпилев Д.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

Как правило, в социальных науках под модернизацией понимают, во-первых, продолжительный процесс промышленной революции, в рамках которого к настоящему времени образовалась небольшая группа государств, наиболее развитых в техническом отношении; во-вторых, постоянные попытки остальных стран догнать наиболее развитые страны (в научной и публицистической литературе это явление более известно как «догоняющая» или «нагоняющая» модернизация); и, наконец, в-третьих, это усилия, постоянно предпринимаемые наиболее развитыми странами с целью дальнейшей интенсификации своего развития с помощью инноваций и реформ не только в сфере производства, но и в экономической и социальной сферах. Целью этих усилий является сохранение способности отвечать на все более сложные вызовы современности, с которыми развитые страны вынуждены сталкиваться первыми.

Исходя из данной классификации, трансформация относится ко второму типу вышеописанных процессов модернизации. Однако необходимо отметить, что при подобном понимании трансформации осуществляться она может только в достаточной степени индустриализованных и урбанизированных обществах. Таким образом, «трансформация – это переход от диктатуры или авторитарной системы к демократии, от плановой или командной экономики к рыночному хозяйству» [5].

Предполагается, что данный переход будет сознательно проводиться элитой и поддерживаться значительной частью общества. Первым и самым заметным результатом подобной трансформации будет значительный подъем уровня жизни и благосостояния всего населения. В этой связи мы можем говорить об успешной трансформации в Испании и Португалии, в странах Латинской Америки и отдельных странах Восточной Европы.

Необходимо отметить, что страны, входящие в Организацию Европейского сотрудничества и развития (ОЕСД) во многом сблизилась в отношении их экономических и политических систем, их социальной структуры, базовых ценностей, материального благосостояния и субъективного мироощущения населения. То есть, в настоящий момент эти страны ближе друг другу и больше похожи друг на друга, чем страны, находящиеся на более низких ступенях экономического развития (например, страны Восточной Европы и СНГ) или относящиеся к другим цивилизациям и культурам (например, по сравнению со странами Восточной Азии). Поэтому мы можем говорить о некоторой неизбежной унификации или стандартизации, тесно связанной с процессом трансформации или догоняющей модернизации.

При этом если понимать догоняющую модернизацию как процесс реформирования стран с более низким уровнем материального благосостояния с ориентацией на так называемый западный образец, то необходимо вспомнить, что подобная классическая теория модернизации неоднократно подвергалась серьезной критике еще в 50-е и 60-е годы XX века. Критики называли этот путь «вестернизацией» и «американизацией», говорили о том, что рост экономики направлен исключительно на создание капиталистического общества потребления. Поэтому существующая в то время система социализма представляла собой альтернативный, так называемый некапиталистический путь развития. Но и здесь не было единства. Мы можем назвать несколько моделей социализма: советская, китайская, кубинская и африканская. Как показал исторический опыт, все эти модели были нежизнеспособными. В современном мире из бывшего социалистического лагеря достаточно успешно продолжает существовать только китайская программа по созданию «социалистической рыночной экономики».

Современные же альтернативы классической модернизации, в основном, ограничиваются двумя вариантами:

- 1) следование западной модели экономического и политического развития при обеспечении партисипации граждан (непосредственное участие индивида в публично-политических и экономических процессах);
- 2) противопоставление западному индивидуализму так называемых фундаментальных культурных альтернатив (исламское шариатское государство, азиатская дисциплина и т.д.).

Поэтому очень может быть, что «на смену конкуренции между различными системами развития национальных государств со временем придет конфликт цивилизаций» (clash of civilizations) [3].

Каково же место России в современном мире? С чем, в первую очередь, связаны трудности и неудачи процесса нашей национальной трансформации? Ответы на эти вопросы не однозначны, их поиском занимаются не только отечественные, но и иностранные ученые и политики.

Анализ отечественных и западных публикаций показал, что, в первую очередь, необходимо обратить внимание на две существенные проблемы.

Первая проблема связана с возникновением гражданского общества в нашей стране. Некоторые западные ученые и восточноевропейские реформаторы считали, что одной из основных движущих сил процесса трансформации станет гражданское общество, которое возникнет вокруг движений, оппозиционных существовавшей диктатуре, и со временем станет основой для создания новых общественных ассоциаций. Гражданское общество должно было стать своеобразным механизмом контроля и, в первую очередь, помочь преодолеть первоначальное, временное несовершенство вновь создаваемой экономической и правовой системы. Оно должно было помочь теневой экономике превратиться в открытую экономическую систему демократической страны. Таким образом,

«жизненный мир должен был победить старую систему» [1], но в тоже время и предотвратить ее превращение в систему дикого, товарищеского и олигархического капитализма. К большому сожалению, как констатирует большинство авторов-сторонников данного подхода, эти надежды не оправдались. «Гражданское общество в ряде восточноевропейских стран так и не возникло или оказалось очень слабым, не способным не только эффективно функционировать, но и выжить в условиях постиндустриального информационного общества за пределами классического единоборства между капитализмом и социализмом» [5].

Вторая проблема связана с явлением, получившим название «кризис модернизации» (breakdowns of modernization) [5]. Нельзя сказать, что это явление и его последствия были неожиданными и непредвиденными. Оно наблюдалось, было многократно описано и неплохо изучено в классической теории модернизации на примере стран Восточной Азии и Латинской Америки. Его суть заключается в том, что национальное размежевание, этнический реваншизм и борьба за распределение «лакомых кусков» для некоторых акторов окажутся важнее, чем быстрое достижение консенсуса во имя создания рыночной экономики и конкурентной демократии. Таким образом, «возникло представление о том, что существует множество альтернативных способов решения задачи догоняющей модернизации. При этом основная неприятность состоит в том, что при отмирании старых, социалистических властных и экономических структур на их месте возникает не вакуум, в котором постепенно могло бы начаться развитие новых демократических механизмов и отношений, а продолжается существование и видоизменение старых социальных сетей и способов решения политических, экономических и социальных вопросов» [7]. Именно отсюда берет свое начало коррупция, клановость, протекционизм, взяточничество и правовой нигилизм. К сожалению, мало кто предвидел, что проблемы, более характерные для стран Восточной Азии и Латинской Америки, в полном объеме и с такими тяжелыми последствиями возникнут в России, в бывших советских республиках и в Югославии.

Нельзя так же не упомянуть о третьей, типично российской проблеме. Дело в том, что в последнее время значительную популярность приобретает теория и о том, что в России модернизация возможна только в особых условиях. В качестве обоснования данной теории приводятся примеры из нашей истории, говорится об успехах догоняющей модернизации в условиях жесткого милитаризованного государства или даже в условиях жестокой тирании (Иван Грозный, Петр Первый, Иосиф Сталин). Подобный подход не только несет в себе угрозу демократическому развитию нашей страны, но и способен создать излишнюю напряженность в отношениях с нашими стратегическими партнерами по мировому сообществу. Безусловно, догоняющая модернизация и в настоящее время требует значительного напряжения и усилий от всех жителей соответствующей страны, сознательной экономии и чрезвычайной рациональности при распределении всех существующих и накопленных ресурсов. Однако успешное

осуществление догоняющей модернизации путем принесения в жертву сотен тысяч и даже миллионов жизней собственных граждан является не только неприемлемой с моральной точки зрения, но и способна поставить страну в среднесрочной перспективе на грань серьезного демографического кризиса.

Подводя итоги вышесказанному, необходимо отметить тот факт, что процессы социальных изменений можно описывать и классифицировать по таким критериям, как скорость, глубина, направление и управляемость. Непосредственно теория модернизации занимается долгосрочными и глубинными процессами социальных изменений, имеющими четкую направленность, которая, однако, не освобождает модернизацию от таких негативных явлений, как проявление насилия, технические катастрофы и экономические кризисы. Единственное, чего нельзя ожидать от процесса модернизации, так это предсказуемости, полной управляемости и запланированности. Эти характеристики более подходят для социалистической модели. Модернизацию западного образца можно скорее описать как процесс постоянного поиска, в результате которого путем проб и ошибок на институциональном уровне подбираются адекватные и жизнеспособные решения, подходящие конкретному обществу.

Й. Бергер попытался сформулировать суть теории модернизации в виде четырех основных принципов [2]:

- 1) проведение модернизации является осознанной необходимостью в обществе, вступившим в этот процесс;
- 2) все процессы осуществляемой модернизации взаимно поддерживают и интенсифицируют друг друга;
- 3) лидеры не мешают аутсайдерам;
- 4) все процессы осуществляемой модернизации имеют общую цель.

Критикам данной формулировки пока не удалось предложить убедительной альтернативы. Дело в том, что модернизация всегда представляет собой некую дихотомию: ее нельзя объяснить ни простой эксплуатацией национальной идеи, ни простым копированием западных институтов; при общем очевидном стремлении к глобализации, ведущей силой процесса модернизации остаются эндогенные силы внутри соответствующего общества; наряду с возрастающим стремлением к национальной дифференциации происходит осознание неизбежной взаимозависимости.

Одним из наиболее интересных и полезных примеров догоняющей модернизации для России, несомненно, является бесценный опыт Восточной Германии (и здесь речь идет не только об исторически сложившихся партнерских отношениях между Россией и Германией, но и обо все еще потенциально возможном объединении России и Белоруссии и т.д.). Однако при этом не следует забывать о существовании большого числа особенностей, характеризующих процесс трансформации в Германии, «который большинством ученых в 90-е годы XX века был расценен как полное копирование западногерманской институциональной системы, а скептиками и критиками назван аншлюсом и колонизацией» [6].

В то время иностранные наблюдатели исходили из того, что в процессе трансформации Восточной Германии не возникнет значительных проблем, так как трансформация будет представлять собой одобряемое большинством населения присоединение к успешно функционирующей институциональной системе одного из самых высокоразвитых и богатых государств мира при очень значительном капиталовложении со стороны последнего. Об этом другие восточноевропейские государства, также находящиеся в процессе трансформации, не могли даже и мечтать. Ричард Роуз назвал этот феномен «*ready made state*» [4]. При этом он имел в виду следующую дихотомию: с одной стороны, восточным немцам было предложено готовое государственное устройство, с другой стороны, в этой конструкции они уже ничего не могли поменять, они оказались беспомощными и неподготовленными к крушению институциональной системы социализма. И это действительно так – по сравнению с долго подготавливаемыми изменениями в Польше, Венгрии или Чехословакии экономический коллапс в Восточной Германии вызвал сильнейший шок. Например, с 1990 по 1992 год в бывшей ГДР была сокращена почти треть рабочих мест (это три миллиона из девяти), прекратили свое существование целые отрасли промышленности и ведущие торговые организации. В это же время в Восточной Германии более, чем вдвое сократилось количество заключаемых браков и рожденных детей [8].

Однако уже в 1993 году 48% респондентов в бывшей Восточной Германии заявили, что «условия их жизни значительно улучшились по сравнению с 1990 годом» [8]. Почему же жители Восточной Германии так быстро справились с таким сильным шоком? Для ответа на этот вопрос необходимо учесть несколько факторов, которые ясно показывают, что наряду с серьезными проблемами в экономической сфере удалось достаточно быстро достичь положительных результатов, например:

- 1) значительное увеличение доходов, как у работающих граждан, так и у граждан, получающих пособие по безработице;
- 2) несколько волн отложенного потребительского спроса;
- 3) однозначное улучшение инфраструктуры;
- 4) увеличение социальных выплат;
- 5) увеличение пенсий.

Кроме того, резкое снижение рождаемости, с одной стороны, можно объяснить реакцией на кризисные явления в экономике, а с другой стороны, выражением свободной организации жизни и досуга. Сокращение большого числа рабочих мест так и не удалось предотвратить с помощью проводимой государством экономической политики, но большинство негативных явлений были демпфированы благодаря социальной политике того же государства (мероприятия по обеспечению занятости, переподготовка, выход на пенсию ранее положенного срока и т.д.). На уровне большинства домашних хозяйств даже в самых тяжелых ситуациях была возможность сочетать доход от трудовой деятельности и социальные выплаты.

Таким образом, при обобщении и анализе международного опыта трансформация в Германии является особым случаем среди всех посткоммунистических государств. И в первую очередь следует отметить не поддержку восточными немцами рыночной экономики и демократии (в этом плане гораздо более убедительные результаты принадлежат народам Чехии, Словакии и Венгрии), а так называемую передачу успешно работающих социальных институтов и капиталовложения большого объема. «В финансовом плане, в плане национального бюджета Восточная Германия значительно опережает остальные восточноевропейские государства» [8].

В каждой стране процессы трансформации и модернизации обладают ярко выраженными национальными особенностями. Каждая страна должна пройти свой неповторимый путь. Россия также не является исключением из этого правила. Однако анализ международного опыта также необходим, как и анализ собственных успехов и неудач. не только выбрать правильный вектор дальнейшего движения, но и является неотъемлемой чертой развитого демократического государства.

Библиографический список

1. Beck, Ulrich: Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung, Frankfurt a.M. 1993.
2. Berger, Johannes: Was bedeutet die Modernisierungstheorie wirklich - und was wird ihr bloß unterstellt? in: Leviathan, 24. Jg., Heft 1, 1996, S. 45-77.
3. Huntington, Samuel P.: The Clash of Civilization? in: Foreign Affairs, 1993, S. 22-49.
4. Rose, Richard u.a.: Germans East and West. A Comparative Analysis, in: University of Strathclyde (Hg.): Studies in Public Policy, 210, 1994.
5. Schäfers, Bernhard, Zapf, Wolfgang (Hrsg.) Handwörterbuch zur Gesellschaft Deutschlands, 2. erweiterte und aktualisierte Auflage, Bundeszentrale für politische Bildung, Bonn, 2001
6. Seifert, Wolfgang: Systemunterstützung und Systembewertung in Ostdeutschland und anderen osteuropäischen Transformationsstaaten, in: Zapf, W./R. Habich (Hg.): Wohlfahrtsentwicklung im vereinten Deutschland, Berlin 1996, S. 309-328.
7. Stark, David: Das Alte im Neuen, in: Transit, Heft 9, 1995, S. 65-77.
8. Zapf, Wolfgang/Roland Habich: Die Wohlfahrtsentwicklung in der Bundesrepublik Deutschland 1949-1999, in: Max Kaase/Günter Schmid (Hg.): Eine lernende Demokratie, Berlin 1999, S. 285-314.